

УДК 811.116'373.611

СЛАВЯНСКАЯ КОНФИКСАЦИЯ

Г.А. Николаев

Аннотация

В статье впервые подвергаются описанию все типы конфиксации в славянских языках в сравнительном аспекте. Конфиксация является универсальным способом словообразования в славянских языках. Специфичность конкретных языков заключается в отсутствии в их системе некоторых конфиксальных структур, их продуктивности и степени их регулярности. Эти различия связаны с ментальностью носителей языка и с принципами формирования их языковой картины мира.

Конфиксальный способ морфологического словообразования, заключающийся в одновременном осложнении производящей основы в пре- и постпозиции (в традиционных исследованиях его называют префиксально-суффиксальным способом), широко представлен во всех славянских языках и составляет их специфику по сравнению, например, с германскими языками, в которых конфиксация очень редко встречается в словообразовании, но продуктивна в формообразовании (ср. формы Partizip II, образующиеся в немецком языке при помощи конфиксов *ge...t* или *ge...en* – *ge-mach-t*, *ge-sproch-en*) [Владиминова 1999].

Конфиксация не была исконным способом словообразования в славянских языках: она могла возникнуть только на определенной ступени развития языковой абстракции носителей языка. В древнеславянских языках, безусловно, имелись слова, включавшие в свой состав приставки и суффиксы. Ср., например, старославянские *въскрѣсени~*, *прѣдѣстатель*, *разбоиникъ съвѣдѣтельство* и т. п. Однако слова такого типа образовывались не путем одновременного применения этих приставок и суффиксов, аффиксальные морфемы появлялись в них последовательно и отлагались в их составе как часть производящей основы (например: *вѣдѣти* > *съ-вѣдѣти* > *съвѣдѣ-тель* > *съвѣдѣтел-ьство*). Конфиксация появляется тогда, когда слова типа *полюдьє*, *приморье* и т. п. стали осмысливаться как образованные на базе субстантивов *люди*, *море* и т. п. при помощи пре- и постпозитивного элементов, осложнивших эти основы одновременно.

Часто полагают, что в славянских языках слова типа *полюдьє*, *приморье* и т. п. образовывались путем суффиксального осложнения предложно-падежных форм. Показательна в этом плане интерпретация таких слов киевскими учеными в их работе *Историческая типология славянских языков* [Историческая 1986: 62]. Они совершенно справедливо относят их в генетическом плане к

суффиксальным. Такого же мнения придерживается и болгарский ученый Л. Андрейчин [Андрейчин 1951]. Известно, однако, что конфикация формировалась в славянских языках и на базе префиксации, и в результате взаимодействия семантического и морфологического словообразования [Николаев 1987: 44–45]. Тем не менее именно суффиксация предложно-падежных форм и дальнейшее переразложение возникающих таким образом дериватов была основным путем формирования конфикальных структур в славянских языках.

Коль скоро это так, количество конфикальных типов в каждом славянском языке было связано с количеством так называемых первичных предлогов, т. е. искони было примерно одинаково, так как состав первичных предлогов был определен праславянским языком. Это предлоги (в их русскоязычном облике) *без(о)*, *в(о)*, *вз (воз)*, *для*, *до*, *за*, *из(о)*, *к(о)*, *меж*, *на*, *над(о)*, *о(б)(о)*, *от(о)*, *перед(о)*, *по*, *под(о)*, *при*, *про*, *с(о)*, *у*, *через*. Те же предлоги имеются и в болгарском языке (кроме предлогов *для*, *про*), и в польском языке (кроме предлогов *в(о)з*, *про*, *через*). Кстати, в современном русском языке предлог *в(о)з* тоже отсутствует, хотя он и был в древнерусском языке, а в польском и болгарском языках имеется предлог *през* (болг.) и *przez* (польск.); в болгарском сохранился и предлог *въз*. Но это незначительные детали, количество которых может быть увеличено за счет фонетических вариантов некоторых предлогов и суффиксальных элементов этих структур в разных славянских языках.

Следует также отметить, что не все предложно-падежные формы (ППФ) могли осложняться в славянских языках суффиксом и служить, таким образом, базой формирования конфикальных структур. Сюда относятся ППФ с предлогами *в*, *для*, *к*, *через*. Редко осложнялись суффиксами ППФ с предлогами *до*, *от* и *про*. Ср., например, русские образования *прозелень*, украинские *прожовть*, польские *odgromnik*, *odnoża*, чешские *odvětví*, *odztmí*, сербские *довратак*, *доглавник*, *доножје* и др. Отметим, что в русском языке часто в формировании конфикации участвовали старославянские варианты предлогов: *пред* (в литературном языке: *предгорье*; *перед* – в диалектах: *передбанье*), *между* (наряду с *меж*: *междуречье*, но *межсезонье*). И в основах в соединении с определенными предлогами тоже выступают старославянские варианты (*прибрежный*). Это свойственно только русскому языку и не отмечено в других восточнославянских языках (украинском, белорусском). Ср. укр. *міжгір'я*, *межириччя*, *передліччя* и др., белор. *перадгор'е*, *перадплеце* и др.

Предложно-падежные формы осложнялись в славянских языках строго определенными суффиксами. Количество этих суффиксов невелико: это суффиксы (в русскоязычном варианте) *-ник*, *-ье/ -ие*, *-ок*, *-ка*, *-(н)ица*, *-ø*, *-ень*, *-ач*, *-ство*, *-ак*. Наиболее регулярным был суффикс *-ие/-ье*.

В истории формирования славянской конфикации известную роль сыграл первый славянский литературно-письменный язык – старославянский. Словарь старославянского языка, составленный под редакцией Р.М. Цейтлин, фиксирует около 40 имен существительных, которые с позиций позднейших отношений могли бы квалифицироваться как конфикальные. Около половины этих слов составляют имена на *без...и~*, из которых большинство является кальками с греческого: *безакони~* (ϕnom...a), *безбожество* (ϕqe...a), *безвһри~* (ϕpist...a), *безгоди~* (ϕwr...a), *бездъжди~* (aϕστοj), *бездъни~*

(bustoj), безмълви~, безрми~ (noia), безълоби~ (kak...a), безправди~ (dik...a), бесрами~ (na...deia), бестрасти~ (deia), бестрди~ (na...deia), бесъмръти~ (qanas...a), бесъни~ (grupn...a), бещини~ (katastas...a).

В словообразовательной системе старославянского и других славянских языков раннего периода эти имена могли быть соотнесены и с синкретичными образованиями типа безрмъ, безбогъ, бездомъ, безврѣдъ и т. п., представленными довольно широко и в некоторых современных славянских языках (польском, болгарском и др.). В то же время производящей базой для них могли служить многочисленные сочетания с предлогом без типа без бога, без воды, без вреда, без време, без вѣка, без завѣта, без лѣпа, без има и др. (более сорока сочетаний), приведенные в словаре И.И. Срезневского. В любом случае они в дальнейшем подверглись перемотивировке и выделили конфиксальную структуру. Суффиксация в этих словах могла задержаться только в связи со вторичной мотивацией этих имен конфиксальными прилагательными на *bez...nyj* типа *бездушие* < *бездушный*. Причиной возникновения такой мотивации явилось развитие субстантивно-адъективных словообразовательных отношений в славянских языках в сторону семантического подчинения субстантивов со значением отвлеченного качества адъективам. Однако это касалось только определенных слов, а не типа в целом.

Конфиксальные образования на *bez...je / bez...ije* встречаются во всех славянских языках, и их регулярность находится в прямой зависимости от интенсивности влияния на конкретный язык книжно-славянской стихии. Ср. рус. – *безветрие, безводье, бездорожье* и т. п., укр. – *безвіддя, безгрішшя, безпуття* и т. п., белор. – *безгалосце, бездарожжа* и т. п., польск. – *bezbrzeże, bezdroże, bezlesie* и т. п., чеш. – *bezcestí, bezdeští, bezlesí, bezpraví* и др., словац. – *bezvľadie, bezvodie* и др., верхнелуж. – *bjezwětro*, болг. – *безбожие, безбрачие, безвредие, безветрие, безвкусие, безгрешие* и т. д., серб. – *безакоње, беспуће, безумье* и др., макед. – *безверие, безвластие, безволие, безрядие* и др. Конечно, наибольшей регулярностью они обладают в языках, носители которых придерживаются православного вероисповедания, так как именно эти языки испытали значительное влияние со стороны старославянского языка – непосредственное или через посредство другого языка – болгарского, а затем и русского. Через посредство русского языка в определенной мере восстанавливал свое «старославянское прошлое» и язык болгарский. Что касается западнославянских языков, то и они испытывали влияние старославянского языка как первого литературно-письменного языка славянства, на котором первоначально велась церковная служба и у славян-католиков [Успенский 1988: 52–53].

Другие «конфиксальные» структуры (12 типов) представлены в старославянском языке отдельными образованиями: *въз...ьница* (*възглавьница*), *въз...ие* (*възмъзди~, въскрили~*), *за...ие* (*заскопи~*), *из...ие* (*ищади~*), *на...ие* (*наводи~, надртри~* и др.), *не...ие* (*невѣри~, незълоби~, нечъсти~*), *по...ие* (*подали~, помори~, пор#ди~* и др.), *подъ...ие* (*подгори~, подъзemi~* и др.), *при...ие* (*примори~*), *прѣдъ...ие* (*прѣдъдвори~, прѣдъстоли~*), *раз...ие* (*расп@ти~*), *съ...ие* (*съличи~*). Таким образом, за единственным исключением, все конфиксальные структуры старославянского языка включают постпози-

тивный элемент *-ие*. Это составляет специфику старославянского языка как языка книжного.

Однако уже в древнерусском литературном языке, хотя и испытавшем влияние славяно-книжной стихии, но строившемся во взаимодействии последней с народно-разговорной струей, предложно-падежные формы осложнялись и другими суффиксами общезыкового значения: *-ъкъ, ъка, -ица, -ьница, -ьць, -ьщина*. Ср.: *бездомъкъ, беззядьщина, възглавица, възглавьница, на-мнѣстъкъ, попьръсьць, прибожькъ, просиньць* и др. Правда, и здесь число образований с постпозитивным элементом *-ие(-ье)* превалирует.

В современных славянских литературных языках число конфиксальных структур возросло по сравнению с прежними показателями. Это связано скорее всего с освобождением соответствующих имен от зависимости от ППФ и с оформлением конфиксации как самостоятельного способа морфологического словопроизводства в результате разрушения семантического синкретизма и укрепления языковой парадигматики [Николаев 2003: 300]. Наибольшее число конфиксальных словообразовательных типов зафиксировано в русском и украинском языках (около пятидесяти структур), при этом в современном русском языке конфиксация является наиболее активным способом словопроизводства.

Придавая конфиксальному способу словопроизводства особое значение в развитии славянского словообразования, с одной стороны, а с другой – учитывая слабую изученность славянской конфиксации в сопоставительном аспекте, рассмотрим систему конфиксальных словообразовательных типов в славянских языках. Заметим, что структуры под звездочкой не являются праславянскими архетипами, а представляют обобщенную форму подачи современного славянского языкового материала:

***bez...ica** – рус. *без...ица* (*безработица, бездорожица*); болг. *без...ица* (*безвкусица, безредица*); серб. *без...ица* (*беспутица, безумица*); макед. *без...ица* (*бесмислица, беспатица*); ***bez...ka**: рус. *без...ка*: *безрукавка, бескозырка*); укр. *без...ка* (*безкозирка, безрукавка*); белор. *без...ка* (*безнасенка*); болг. *без...ка* (*безръкавка*); ***bez...je**: рус. *без...ье* (*безводье, бездорожье*); укр. *без...[j]* (*безвіддя, безробіття*); белор. *без...[j]* (*безгалоссе, бездарожжа*); польск. *bez...[j]* (*bezbrzeże, bezlesie*); чеш. *bez...í* (*bezdeští, bezprávi*); словац. *bez...ie* (*bezvľadie, bezvodie*); в.луж. *bjez...o* (*bjezwětro*); болг. *без...ие* (*безбожие, безвкусие*); серб. *без...ье*: (*безакоње, безумље*); макед. *без...ие* (*безвластие, безделие*) и т. д.

***do...#k**: серб. *до...ак* (*довратак, дорамак*); ***do...je**: серб. *до...је* (*доножје, доручје*); ***do...nik**: серб. (*довратник, доглавник*);

***iz...je**: рус. *из...ье* (*изголовье, изножье*); болг. *из...ие* (*изделие, издадие*); макед. *из...ие* (*известие*);

***medj...ica**: макед. *меѓу...ица* (*меѓусебица*); ***medj...je**: рус. – *меж...ье* (*межсезонье, между...ье* (*междуречье*)); укр. *між...[j]* (*міжгір'я, міжпліччя*); *межи...[j]* (*межиріччя*) польск. *między...[j]e* (*międzydroże, międzyrzędzie*); чеш. *mezi... í* (*mezidení, mezivládí*); в.луж. *mejzy...jo* (*mejzutorjo*); болг. *между...ие* (*междучасие, междуречие*); макед. *меѓу...[j]e* (*меѓувремя*); ***medj...nik**: рус. *меж...ник* (*межклетник, межколенник*); укр. *між...ник* (*міжклітинник*);

***на...ащ**: укр. *на...ач* (наголовач); ***на...ень**: укр. *на...ень* (накістень); ***на...іса**: чеш. *на...ісе* (*nadenice*); в.луж. *на...іса* (*paratjenisa*); болг. *на...ица* (*надница*); макед. *на...ица* (*надница*); ***на...іна**: в.луж. *на...іна* (*nabožina*) макед. *на...ина* (*надолнина*); ***на...#к**: белор. *на...ак* (*надворак, напарстак*); польск. *на...ек* (*naczólek, nagłówek*); чеш. *на...ек* (*náparstek, náramek*); в.луж. *на...ко* (*načolko*); макед. *на...ок* (*нарамок*); ***на...ь**: белор. *на...џ* (*намаразь*); ***на...са**: в.луж. *на...са* (*nakolensa*); ***на...#с**: макед. *на...еџ* (*навилеџ*); ***на...је**: рус. *на...ие, на...ье* (*нагорье, надворье*); укр. *на...[jj]* (*нагір'я, надвір'я*); белор. *на...[jj]* (*наваколле, надвор'е*); польск. *на...[jj]* (*nabrzeże, pagórze*); чеш. *на...і* (*nabřeží, padvoří*); в.луж. *на...о* (*nalěco*); болг. *на...ие* (*навечерие*); ***на...п'а**: польск. *на...ня* (*nagłośnia*); ***на...ніса**: макед. *на...ница* (*надолница*); ***на...нік**: рус. *на...ник* (*нагрудник, наколенник, наушник*); укр. *на...ник* (*навушник, нагрудник, наплічник*); белор. *на...нік* (*наліснік, напільнік*) польск. *на...нік* (*nabrzusznik, naszyjnik, nauszynik*); чеш. *на...нік* (*патоčník, patelník*); в.луж. *на...нік* (*nabrjušnik, načolnik, pamornik*); макед. *на...ник* (*нарамник*);

***над...#к**: укр. *над...ок* (*надгробок, надколіток*); белор. *над...ак* (*надвячорак*); польск. *над...ек* (*nadgarstek, nadtlenek*); в.луж. *над...к* (*nadjěrchenk* от *jěrcheń* 'колено'); ***над...је**: рус. *над...ье* (*надбровье, надгробье*); укр. *над[jj]* (*надбрів'я, надкрилля, надмор'я*); белор. *над...[jjе]* (*надхмар'е*); польск. *над...[jjе]* (*nadbrzeże, nadmorze*); чеш. *над...і* (*nadloží*; ср. *nadlesní* – 'лесник', русск. *подмастерье*); *над...е* (*nadprace* 'прибавочный труд'); болг. *над...ие* (*навечерие*); ***над...ніса**: рус. *над...ница* (*надбровница, надкостница*); укр. *над...ница* (*надкістниця*); ***над...нік**: рус. *над...ник* (*надгортанник, надпочечник*); укр. *над...ник* (*надгортанник, надгробник*); белор. *над...иік* (*наднырчнік*);

***не...је**: рус. *не...ие* (*неверие*);

***недо...#к**: чеш. *недо...ек* (*nedopalek, nedovažek*); здесь возможна соотнесенность с глаголом и суффиксация;

***о...#к**: рус. *о...ок / о...ек* (*окосток, опенок, ошеек*); укр. *о...ок* (*опенок, ошийок*); польск. *о...ек* (*obaranek, oszyjek*); чеш. *о(b)...ек* (*omastek, obojek, opasek*); ***о...ка**: чеш. *о...ка* (*ohlavka*); ***о...је**: рус. *о...ье* (*оголовье, оплечье, охвостье*); укр. *о...[jj]*. (*окістя*; чеш. *о...і* (*okvětí*); болг. *о...ие* (*огърлие*); ***о...нік**: макед. *о...ник* (*обесник, огламмик*);

***от...је**: польск. *од...[j]а* (*odnóža*); чеш. *од...і* (*odvětí, odzemí*); ***од...нік**: польск. *од...нік* (*odgromnik*); ***от...#к**: макед. *от...ок* (*отпушок*);

***ра...іса**: рус. *на...ица* (*падчерица*); ***ра...ка**: укр. *на...ка* (*падчерка*); белор. *на...ка* (*наводка, пагалоска*); ***ра...#к**: рус. *на...ок* (*пасынок, патрубок*); укр. *на...ок* (*пасинок, пагорок*); белор. *на...ак* (*надворак, пагорак*); польск. *ра...ек* (*pagórek*);

***пер...іса**: рус. *пере...ица* (*переносица*); ***пер...#к**: рус. *пере...ок/ек* (*перелесок, перешеек*); укр. *пере...ок* (*перелісок, перешийок*); белор. *пера...ак/ек* (*пералетак, перашыек*); ***пер...је**: рус. *пере...ье* (*переносье*); укр. *пере...[jj]*. (*перелісся, перенісся*); белор. *пера...[jjе]* (*пераноссе*); болг. *пре...ие* (*премеждие*); макед. *пре...ије* (*премрежије*);

***перд...ак**: польск. *przed...ак* (*przedszkolak*); ***перд...іна**: макед. *пред...ина* (*предвечерина*); ***перд...#к**: рус. *пред...ок* (*предкрылок*); укр. *перед...ок* (*пе-*

редкрилок); польск. *przed...ek* (*przedimek, przedpłużek*); ***perd...je**: рус. *пред...ье/ие* (*предсердие, преддверие, предзимье*); укр. *перед...[j]*.. (*передгроззя, передвечір'я*); белор. *перад...[j]*.. (*перадгір'я, перадплеце*); польск. *przed...[j]e* (*przedgórze, przedmoście*); болг. *пред...ие* (*предвечерие, предвестие*); макед. *пред...ие/је* (*предвестие, предвечерје*); ***perd...nica**: макед. *пред...ница* (*предзорница*); ***perd...nik**: рус. *пред...ник* (*предбанник, предамбарник*); укр. *перед...ник* (*передбанник*);

***po...ina**: макед. *по...ина* (*позарина*); ***po...#**: рус. *по...о* (*повар*); ***po...ka**: белор. *па...ка* (*паводка, пагалоска*); макед. *по...ка* (*пойерка*); ***po...#k**: рус. *по...ок* (*погодок*); укр. *по...ок* (*погодок*); белор. *па...ак* (*падворак, пагорак*); чеш. *po...ek* (*rodolek, poliček*); макед. *по...ок* (*посинок*); ***po...je**: рус. *по...ье* (*побережье, полесье, поморье*); укр. *по...[j]*.. (*побережжя, поріччя, полісся*); белор. *па...[j]e* (*наверсе, парэчче*); польск. *po...[j]e* (*porzeże, rotorze, rogranicze*); в.луж. *po...jo* (*rotorjo*); болг. *по...ие* (*поверие, повечерие, поморие*); ***po...nik**: рус. *по...ник* (*подорожник, пограничник*);

***pod...ica**: словац. *pod...ica* (*podkolenica*); ***pod...ka**: рус. *под...ка* (*подножка*); укр. *під(о)...ка* (*підніжка, підплічка*); чеш. *pod...ka* (*podnožka*); в.луж. *pod...ka* (*rodnožka*); ***pod...#k**: рус. *под...ок* (*подбородок, подрамник*); укр. *під...ок* (*підніжок, підгруздок*); белор. *пад...ак* (*падвячорак, паддашак*); *пад...ак-2* (*надлетак*); польск. *pod...ek* (*podbródek, podgrzybek*); *pod-ek-2* (*podlotek, podrabinek*); чеш. *pod...ek* (*podbradek, podvozek*); словац. *pod...ok* (*rodrostok*); ***pod...je**: рус. *под...ье* (*подполье, подземелье*); *под...ье-2* (*подмастерье*); укр. *під...[j]*.. (*підборіддя, Підмосков'я*); белор. *пад...[j]*.. (*падвочча, падгалоўе*); польск. *pod...[j]e* (*podgórze, podlesie*); чеш. *pod... í* (*podnebí, podzemí*); словац. *pod...[j]e* (*podlesie, podzemie*); в.луж. *pod...jo* (*rodmorjo*); болг. *под...ие* (*подгорие*); макед. *под...ие /је* (*подгорие, подземје*); ***pod...nica**: макед. *под...ница* (*подморница*); ***pod...nik**: рус. *под...ник* (*подоконник, подстаканник*); укр. *під...ник* (*підзеркальник, підрамник*); чеш. *pod...nik* (*podbřišník, podhlavník*); макед. *под...ник* (*подочник, подопашник*);

***pri...#k**: рус. *при...ок* (*пристенки*); белор. *пры...ак* (*прыдашак, прымурак*); *пры...ек* (*прыпечек*); польск. *przy...ek* (*przydaszek*); чеш. *pří...ek* (*přítrazek, přízetek*); в.луж. *při...k* (*přiwešk*); ***pri...je**: рус. *при...ье* (*приморье, Прикамье*); укр. *при...[j]*.. (*прибережжя, пригородд'я, примор'я*); белор. *пры...[j]*.. (*прыслоўе*); польск. *przy...[j]e* (*przybrzeże, przysłowie*); чеш. *pří...í* (*přítoří, příslaví*); болг. *при...ие* (*приморие*); серб. *при...је* (*приграђе*); макед. *при...је* (*прибрежје, приземје*); ***pri...nik**: укр. *при...ник* (*прикардонник*); белор. *пры...нік* (*прылазнік*);

***pro...#**: рус. *про...о* (*прозелень, просинь*); укр. *про...о* (*прожовть, просинь*); ***pro...ka**: рус. *про...ка* (*прожилка*); укр. *про...ка* (*прожилка, проліска*); ***pro...#k**: рус. *про...ок* (*проселок, простенок*); укр. *про...ок* (*пролісок*);

***roz...ica**: рус. *рас...ица* (*распутица*); ***roz...je**: укр. *роз...[j]*.. (*роздоріжжя*); польск. *roz...[j]e* (*rozdroże*); чеш. *roz...í* (*rozcestí*); болг. *раз...ие* (*размирие*);

***s#...je**: рус. *со...ие* (*созвездие, созвучие, соцветие*); укр. *су...[j]*.. (*супліддя, суцвіття*); белор. *су...[j]*.. (*суквецце, сузор'е*); чеш. *sou...í* (*souhvězdí, soustroví*); болг. *съ...ие* (*съцветие, съслобие*); ***s#...nik**: рус. *с(о)...ник* (*собечедник, спут-*

ник); укр. *су...ник* (супутник); польск. *współ...nik/ek* (*współpodróżnik*, *współroziotek*);

***sa...ica**: рус. *су...ица* (сукровица, сурепица); укр. *су...ица* (сукровица, сурепица); болг. *су...ица* (сукровица, суръжица); ***sa...ka**: рус. *су...ка* (сурепка); ***sa...#k**: рус. *су...ок* (суглинок); укр. *су...ок* (суглинок, сутінок);

***v#z...#k**: рус. *вз...ок* (взгорок); укр. *уз...ок* (узлісок); белор. *уз...ак* (узгорак, узлесак; ускраек); ***v#z...je**: рус. *вз...ье* (взгорье, взморье); укр. *уз...[j]..* (*узгір'я*, *узбережжя*); белор. *уз...[j]..* (*узбярэжжа*, *узгалоўе*); польск. *w(e)z...[j]e* (*wzgórze*, *wezgłowie*); болг. *въз...ие* (възмездие, възглавие); ***v#z...nica**: болг. *въз...ница* (възглавница);

***vy...#k**: польск. *wy...ek* (*wycótek*); ***vy...je**: польск. *wy...[j]e* (*wy,rzeże*);

***za...ica**: польск. *za...ica* (*zapocnica*, *zapokcica*); серб. *за...ица* (зазубица, заноктица); макед. *за...ица* (зазабица); ***za...ina**: макед. *за...ина* (заветрина); ***za...#k**: рус. *за...ок* (загорбок, загривок); укр. *за...ок* (заголовок, зап'ясток); польск. *za...ek* (*zakątek*, *zakolanek*); серб. *за...ак* (закошак, закрајак, запећак); ***za...je**: рус. *за..ье* (заречье, заморье, Заволжье); укр. *за...[j]..* (*заріччя*, *затылля*, *зап'ястя*); польск. *za...[j]e* (*zalesie*, *zaplecze*); чеш. *za...í* (*zatoří*, *záprazí*); болг. *за...ие* (заглавие, затишие); серб. *за...ће* (*забрће*, *залеће*, *загоће*), *за...ју* (*загорје*, *закриље*); макед. *за...ие* (затишие); ***za...nica**: болг. *за...ница* (закрълница) и др.

Приведенные здесь конфиксальные словообразовательные типы, естественно, не исчерпывают всех подобных структур в славянских языках. Некоторые из них являются специфическими для одного языка или нескольких языков одной языковой группы.

Можно сказать, что славянские языки имеют общий формантный (здесь – конфиксальный) ряд, представляющий своего рода межъязыковую парадигму словообразовательных средств, восходящую в основе к общеславянскому аффиксальному фонду. При появлении ономаσιологической потребности в процессе деривации могут быть использованы в разных языках одинаковые средства (ср. оформление реалий 'подножка', 'побережье', 'соцветие' и др.), но часто используются разные форманты. В итоге возникает межъязыковая (межславянская) словообразовательная синонимия, являющаяся результатом разноаффиксного осложнения в процессе реализации единой ономаσιологической потребности в близкородственных славянских языках производящей основы, имеющей в этих языках генетическую общность. Например: *бескормица* (рус.) – *бескорм'я* (укр.), *безработица* (рус.) – *безробіття* (укр.), *узбярэжжа* (белор.) – *побережье* (рус.), *nadenice* (чеш.) – *поденицина* (рус.), *nakolenca* (в. луж.) – *наколенник* (рус.), *безвкусие* (болг.) – *безвкусица* (рус.) и многие другие.

Выбор производящей основы и словообразовательного средства во многом определяется ментальностью носителей языка и теми принципами, по которым создается их языковая картина мира.

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобразования РФ (проект № Г02-1.6-294).

Summary

G.A. Nikolaev. The slavic confixation.

In the present contribution are described for the first time all types of confixal word-building in Slavic languages in comparative aspect. Confixation is attributed to universalities of the Slavic languages. Specificity of concrete languages consists in the absence in their system of the some confixal structures, their efficiency and a degree of their regularity. These differences are connected to mentality of native speakers and with principles of construction of their language image of the world.

Литература

1. *Андрейчин Л.* Грамматика болгарского языка. – М., 1951.
2. *Владимирова Л.В., Николаев Г.А.* Русская конфикация и ее немецкие эквиваленты // *Beiträge zur Slavistik.* – Bd. XLII. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. – S. 61–71.
3. Историческая типология славянских языков: Фонетика, словообразование, лексика и фразеология. – Киев, 1986.
4. *Николаев Г.А.* Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. – Казань, 1987.
5. *Николаев Г.А., Николаева Н.Г.* Активные процессы в современном русском словообразовании: конфикация // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Русский текст и русский дискурс сегодня. – СПб., 2003. – С. 297–302.
6. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI – XVII вв.). – Будапешт, 1988.

Поступила в редакцию
21.02.05

Николаев Геннадий Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.

E-mail: *Guennadi.Nikolaev@ksu.ru*